

RU

Новое эстетическое отражение в логосе Петровской эпохи

Никулушкин К. В.

Аннотация. В статье рассматривается эстетическая координата русской буквы в тексте национального сознания эпохи Петра I. Данный исторический период обусловлен многочисленными реформами и культурными заимствованиями из сферы западноевропейской цивилизации. Рецепция внешних форм Западной культуры вместе с текстом семиотических и символических значений создавала условия для развития нового взгляда на сущность национального духовного пространства, декламировавшего в течение длительного исторического периода религиозно-христианскую ценность эстетики Восточного благочестия. Русский письменный текст, утверждавший единой церковнославянской семиотикой религиозный образ в культурном сознании народа, подлежал в период реформ Петра I сакральной деэстетизации – разделению на две культурно значимые практические сферы: светскую и церковную. Цель исследования – обосновать предположение, что гражданский шрифт, введенный в культурный обиход в начале XVIII столетия, явился одним из главных структурных элементов в формировании новой эстетики произведений русской литературы. Научная новизна статьи обусловлена исследованием эстетического значения церковнославянской и гражданской графемы в период коренных реформ Петра I. Результаты, полученные в ходе исследования, демонстрируют, что в начале XVIII столетия на основании введения гражданского шрифта формируется предпосылка для теоретического подхода к содержательному развитию пространства отечественной литературы; эстетическая выразительность новых письменных текстов на базе гражданской азбуки развивала категорию красоты русского слова в тексте национального художественного сознания.

EN

A new aesthetic reflection in the logos of the Petrine era

K. V. Nikulushkin

Abstract. The article examines the aesthetic coordinate of the Russian letter in the text of the national consciousness during the era of Peter the Great. This historical period was characterized by numerous reforms and cultural borrowings from the sphere of Western European civilization. The reception of external forms of Western culture, along with the text of semiotic and symbolic meanings, created conditions for the development of a new perspective on the essence of the national spiritual space, which had declared the religious-Christian value of the aesthetics of Eastern piety for a long historical period. The Russian written text, which asserted the religious image in the cultural consciousness of the people through the unified Church Slavonic semiotics, was subject to sacred de-aestheticization during the period of Peter the Great's reforms – division into two culturally significant practical spheres: secular and religious. The aim of the study is to substantiate the assumption that the civil script, introduced into cultural use at the beginning of the 18th century, was one of the main structural elements in the formation of a new aesthetics in Russian literature. The scientific novelty of the work is due to the study of the aesthetic significance of the Church Slavonic and civil grapheme during the period of Peter the Great's fundamental reforms. The results obtained demonstrate that in the early 18th century, on the basis of the introduction of the civil script, a prerequisite was formed for a theoretical approach to the substantive development of the space of Russian literature; the aesthetic expressiveness of new written texts based on the civil alphabet developed the category of beauty of the Russian word in the text of the national artistic consciousness.

Введение

Появление новой теории построения художественной формы в искусстве создает условия для содержательного развития в эстетическом сознании категории «прекрасное», определенной диалектическим характером взаимосвязей исторически сложившихся представлений о красоте в культурном тексте народа с уникальностью

авторского взгляда на собственное произведение. Соответственно, в культурном пространстве при условии возникновения новых эстетических моделей прекрасным может полагаться феномен, который раньше на основании традиции художественного восприятия считался невозможным и отрицался идеологически или догматически (например, движение в области русской иконописи от канонической формы, определенной на Стоглавом соборе 1551 г., к реалистичной живописи XVII в. – мастер Симон Ушаков «Спас Нерукотворный»).

Правление Петра Великого устанавливает в различных сферах культурно-политической жизни Отечества многообразие заимствованной институциональной и предметной выразительности, в некоторых случаях принятой исключительно на положениях эстетического копирования и не отражающей теоретическую необходимость в поступательном развитии государственного устройства (например, новый культурный «заграничный дресс-код» в одежде или массовый перевод и печать произведений западной литературы, для которой не находилось в России соответствующего читательского спроса – на данный факт косвенно указывает П. П. Пекарский (1862а, с. 378–380)). Воплощение преобразовательных идей Петра I в пространство русской духовной жизни, определенной многовековыми традициями национальной эстетики, не предполагало условий для постепенной ассимиляции выразительных линий новых значений и форм в структуре народного сознания на основании стремительности проводимых решений. Категория «красота» в формируемых содержательных границах культурной жизни развивалась в эстетическом сознании русского человека при условии царского повеления за пределами психологических значений личного отношения к художественной или духовной сущности заимствованного объекта на положениях сформированного национальными традициями художественного «вкуса».

Пространство литературы обладает общим эстетическим измерением категорий в структуре мирового искусства и имеет свои особые выразительные черты в движении форм произведения к воображению и мышлению читательской аудитории. Эпоха Петра I на основании западноевропейской эстетической модели внесла коррекцию в текст русской письменной культуры, установив новые графемы, отделившие сакральную сферу от светской жизни и определившие направление к развитию языковых средств, способствующих расширению традиционных национальных литературных формул неординарным семиотическим и семантическим содержанием.

Многие представители русской культуры на протяжении всей эпохи XVIII столетия прилагали усилия в решении национальной литературно-языковой проблемы, поставленной во время «культурного переворота» Петра Великого. Интеллектуальная работа совершалась в области теоретических вопросов, связанных с установлением русской научной терминологии в категориально-понятийной сфере отечественного мышления (Кантемир, 1867; Ломоносов, 1952; Поповский, 1755), а также определенных формированием эстетической рельефности русского художественного слова в национальной литературе (Барсов, 1981; Ломоносов, 1959; Тредиаковский, 1752; Сумароков, 1787).

В процессе развития петровской идеи «европеизма» филологические традиции, отделяясь от духовного логоса религиозного письма, обретают на русской почве новую значимость в контексте литературной жизни, совершившей поворот к формам жанровой вариативности западной культуры. Поиск новых языковых средств, которые смогли бы адекватно отразить изменения в культурно-интеллектуальной жизни эпохи, а также их дальнейшее стилистическое размещение в литературных пределах текста произведения – стали одновременно и проблемным сюжетом отечественной литературы, и лингвистической характеристикой идейного пространства русского Просвещения. Формирование нового лексического тезауруса в русской культуре Петровской эпохи и его последующая аккумуляция в языковом сознании полагали утверждение новых литературных взглядов и предпочтений, определивших неповторимый национальный колорит и художественное своеобразие в русской эстетике художественного текста.

Такие яркие феномены, выраженные в пространстве отечественной культуры, как массовый перевод и печать западной технической, исторической и художественной книги, издание этического и эстетического регламента на западноевропейский манер («Юности честное зерцало»), выпуск массовой публичной газеты «Ведомости», установление нового шрифта (гражданский шрифт) для общегосударственных и гражданских нужд и многое другое, ориентировали отечественное мышление на созидание пространства новой русской эстетической парадигмы.

Культурно-исторический характер сформулированного проблемного поля периода эпохи Петра Великого определяет актуальность темы исследования, позволяющего выразить положение русских духовных традиций в контексте нового политического и цивилизационного утверждения России. Объектом исследования является сфера азбучного знака церковнославянского и гражданского шрифтов эпохи Петра Великого. Предметом – эстетика новой и старой графемы в структуре культурного сознания народа.

В статье предполагается решение следующих задач:

- рассмотреть особенности эстетики церковнославянской графемы в области допетровской литературы;
- раскрыть культурный характер гражданского шрифта в дискурсе реформ Петра I;
- провести сопоставление эстетического значения старой и новой графемы в культурном сознании народа.

В процессе исследования исторических фактов и событийного пространства эпохи применялись методы компаративного анализа и философской интерпретации, которые позволили определить сущностные характеристики старой и новой азбуки в области культурно-эстетического сознания эпохи, а также провести идейное обобщение в применении двух систем письменных знаков.

Материалом для исследования послужили собрания сочинений авторов, принадлежащих эпохе XVIII столетия или определяющих выразительность идеи рассматриваемого культурного времени, а также законы, документы и словари, характеризующие контекст данного исторического периода.

Теоретическая значимость данной статьи обусловлена дополнительным вектором исследования в лингвофилософской области Петровской эпохи; практическая значимость сфокусирована на раскрытии нового культурно-выразительного мира русской литературы в структуре гражданского шрифта; работа может быть применена в качестве дидактического материала для определения эстетической характеристики музейно-выставочных экспонатов русской литературы первой трети XVIII в.

Обсуждение и результаты

Письмо, создаваемое графической формой буквы, в русской культуре допетровской эпохи было обосновано сущностным выражением духовного помысла, обретающего начало в религиозно-историческом предначертании кириллической азбуки. Азбучная графема не только служила в тексте в качестве прагматической знаковой единицы, но и являлась олицетворением духовного образа Восточного христианского благочестия. Русская грамота входила в жизнь простого человека допетровского времени вместе с текстами Псалтыри и Часослова, на основании которых строилась религиозная форма отечественного логоса в эстетическом сознании.

После крещения Руси складывается эстетическое отношение к письменному тексту в национальном сознании, согласно единым с Европой культурно-религиозным ценностям, опосредуемым мышлением через слово церковнославянского языка: «Приобщение славянского мира к христианской религии наложило на протяжении веков свой отпечаток на язык и мышление средневековых славян, их книжная ученость и культурные отправления основывались на единой для многих народов системе ценностей» (Мурьянов, 1978, с. 53).

Византийская церковь, ставшая для Руси интеллектуально-духовной метрополией в силу проведенного обряда крещения, играла основную роль в формировании эстетических принципов, утверждавших в народном сознании представление о красоте художественного образа через религиозный текст Восточного христианства. Религиозное тождество христианской веры на территории православных государств устанавливало границы идейного единства в созидании линий и форм изобразительного пространства, раскрывавшего сущностный (бытийственный) смысл человека в общих значениях догматов церкви: «Верхней и одновременно авторитетнейшей границей для русича была религиозно-культурно-территориальная граница Восточного Христианства. Касалось это прежде всего религиозно-нравственных сфер, но поскольку они были и доминантой, и ориентиром, это находило отражение и в других сферах человеческой деятельности. Все произведения (церковные прежде всего, но также и светские), созданные в византийско-славянском православном мире, воспринимались как свое» (Панин, 1995, с. 6).

Религиозные произведения на Руси были выражены через единую литературно-эстетическую формулу, обоснованную мудростью византийской культуры и поэтому обладавшую в русском сознании непреложной христианской аксиомой в соблюдении правил построения текста по «жанровому» подобию восточно-греческого христианского первоисточника.

Соответственно, представителю славянского мира с общими христианскими ценностями не требовалось совершать определение философско-религиозной значимости произведения, хранимого в письменном слове духовной культуры, и не имелось никакой необходимости применять к его заранее установленной эстетической целостности и этической ценности познавательные-критические категории, позволяющие провести дополнительное аксиологическое действие внутри самого текста. Априори письменный текст в русской культуре, создаваемый по большей части в монастыре и отражающий философско-религиозную рефлексию, был уже раскрыт в духовном представлении народа через эстетическую категорию «прекрасное»: «В Древней Руси в принципе записывалось и облекалось в литературную форму только лишь религиозно-ценное, все же религиозно-нейтральное в принципе оставалось предметом не письменной, а устной литературы» (Трубецкой, 2010, с. 372).

Сакральное значение буквы, отражавшей духовную правду народа, создавало иное измерение письменного текста, определяло его инобытие в пространстве соборного прочтения и развивало единое эстетическое отношение к выраженному в произведении логосу-знаку. Письменный знак в русской культуре являлся созидательно-смысловой частью религиозной сферы и утверждал художественно-эстетическую композицию в интеллектуально-духовном сознании народа. Текст был определен через творческое боговдохновение автора, собиравшего буквы в слова, а слова в единый логос культурного мировоззрения. В средневековой Руси можно было положиться в договоре о какой-либо сделке и на устное слово, служившее нравственным гарантом в системе правовых отношений (Перхавко, 2008, с. 100; Кулишер, 2003, с. 55; Помпеев, 2003, с. 26), но семиотической ценностью, выстраивавшей парадигму национального мышления, обладал исключительно письменный логос, прикосновение к которому совершалось при духовном содействии его творца (Матхаузерова, 1976, с. 273; Живов, 2009, с. 16; Успенский, 2002, с. 29-30; Колесов, 2011, с. 5).

Культурное движение письменного знака старославянской азбуки от греческого благочестия солумских братьев Кирилла и Мефодия определило ее культурную «судьбу» в области духовной жизни и религиозного миропонимания. Кириллический алфавит, ставший основой церковнославянского языка, формировал эстетическую когерентность двух культурно-православных пространств (Византии и Руси) и сочетал красоту выражения отечественной мысли с хрестоматийностью религиозных понятий и категорий Восточного христианства. Буквы кириллического алфавита хранили духовную тайну своего происхождения, приняв греческое причастие своей формы в фонетическом облачении славянского духа.

Необходимо отметить, что эстетика греческого языка Восточной церкви, частично моделирующая свою выразительность в церковнославянских формах, определялась генезисом художественного выражения слова

из сюжетов древнегреческой литературы, сочетавшей историю своего существования и развития в комплекс эстетических и этических моделей, порой не соответствующих ожиданиям (предпочтениям) религиозных адептов христианства. Значение слова, утверждавшего реминисценцию греческого автора, могло приводить как к положению диктуемой ереси в характерных чертах язычества (что, однако, не являлось для русского религиозного сознания причиной для суда с последующим отлучением, поскольку для национальной культуры не слово есть ересь, а отрицание чувствами и мышлением христианской веры при выражении слов), так и к разрушению эстетической ткани раскрываемого сюжета. Например, греческое слово δαίμων [даймон], означающее божество, которое может в зависимости от обстоятельства культурного текста принимать разные стороны дуализма этической сферы (добро/зло), а может и не иметь принадлежности к этой сфере вовсе (например, «даймон» Сократа в диалогах Платона); в текстах христианских византийских авторов греческий δαίμων определен через понятие язычества и получает отрицательную коннотацию в системе религиозного мировоззрения. В произведении “Quaestiones ad Antiochum” (Athanasii Archiepiscopi Alexandrini, 1857) («Расспросы Антиоха»), приписываемого Афанасию Великому (IV в. н. э.) имеется рассуждение в виде вопросов и ответов о сущности демонов и ангелов, в котором устанавливается очевидное равенство между формами их религиозной природы, а их действие определено через справедливость и заблуждение разума: «Τί παρήλλακται ἡ οὐσία τῶν δαιμόνων τῆς οὐσίας τῶν ἀγγέλων; <...> Ἡ οὐσία οὐ παρήλλακται, ἀλλ’ ἡ προαίρεσις, ὥσπερ ἡ γνῶμη δικαίου καὶ ἀμαρτωλοῦ» (Athanasii Archiepiscopi Alexandrini, 1857, p. 604). / «Чем отличается сущность демонов от сущности ангелов? <...> Сущностью не различаются, но выбором, подобно справедливому и заблуждающемуся разуму» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Н. К.). Данный факт необоснованной достоверности (spuria) вышеуказанного сочинения к мысли Афанасия Великого не умаляет возможность поставить проблему о существовании религиозной нейтральности понятия «даймон» в контексте эпохи. Но уже чуть менее поздний его современник Григорий Нисский (IV в. н. э.) в своем слове «ΠΕΡΙ ΦΙΛΟΠΤΩΧΙΑΣ ΚΑΙ ΕΥΠΟΠΙΑΣ» (Gregorius Nyssenus, 1863) («О нищелюбии и благотворительности») дает определение демону в качестве слуги зла: «Ὅμοίως καὶ τῶν δαιμόνων ἕκαστος <...> κακίας εἰσὶ ποιηταὶ καὶ ὑπηρεταί» (Gregorius Nyssenus, 1863, p. 456). / «Подобно и каждый из демонов <...> есть зла создатель и служитель» (курсив автора. – Н. К.). В русской христианской культуре слово «даймон» определено в форме слова «дѣмонъ/демонъ» и имеет только одно единственное значение – дьявол, бес, злой дух (Словарь церковно-славянского..., 1847), идея сверхъестественного образа не исходит дальше его значения и совпадает с ним, а его мышление есть мышление зла и ересь одновременно. Соответственно, узус заимствованного слова обретает строгую топологическую формулу выражения в текстах литературы и культурном сознании народа.

Следует предположить, что в допетровской эпохе письменный текст, созданный кириллической азбукой, обладал философским пространством, сочетавшим формулы традиций русской письменности с сюжетом религиозного благочестия и полагавшим форму рефлексии в виде своего духовного прочтения. В предложенной исторически условной системе периодизации (допетровское время), связанной с введением гражданского шрифта и возникновением новой эстетической архитектуры азбуки в графическом оформлении жанрового развития отечественной литературы, возникает также понятие философского замысла, отражающее интеллектуальную сущность национального мышления. Философский замысел складывается в сюжете духовных рассуждений, он тождествен культурному потенциалу эпохи, а его выражение в тексте фиксируется семантической и семиотической выразительностью логоса, удостоверяющего валентность духовных значений периода русского Средневековья.

Трактаты Декарта и Спинозы, созданные латинским письмом, – по большей части европейская философия, но мысли Вольтера и Дидро, записанные французским языком – философия французского Просвещения, а русская философия XVIII в. утверждается в рефлексии перевода западноевропейской мысли (А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, Н. Н. Поповский и др.). Данные примеры тривиальны, но определены особым эстетическим отношением к письменному тексту, конституируемым литературным пространством выразительных средств языка.

Художественно-эстетические языковые формулы русского Средневековья в литературе были определены по большей части монастырским созерцанием духовного логоса и исходили из сакрального понимания религиозной формы в культуре, утверждавшей эстетическую действительность. Философская выразительность письменного текста, составленного в ранних традициях русской литературы, не полагала образцы абстрактного мышления, обезличивающего эстетическую значимость содержания. Философский смысл текста отражал проявление духовного созерцания сущности, манифестирующей в национальном сознании ее эстетическую уникальность: «Средневековое сознание оперирует не столько понятием о предмете, сколько представлением о нем. Художественность этого типа мышления проявляется в преимущественном внимании к конкретному и вещному признаку, к вещественности материальных признаков, избегавших чрезмерной отвлеченности, столь свойственной нашему времени. Потому смысл древнерусского слова всегда раскрывался конкретно, именно в этом тексте» (Колесов, 2014, с. 13).

Соответственно, в период начала реформ Петра I отношение к письменной букве, слагающей текст произведения, было не только обусловлено исторической прагматикой культурного времени, но и определено эстетической парадигмой, сложившейся в духовном созерцании народа. Любые изменения, совершаемые с буквой или текстом в данном культурном регистре, могли привести в эстетическом сознании народа к процессу гармонического диссонанса, подобного форме культурного нигилизма, отворяющего врата национально-политическим смутам и религиозным противоречиям. Следует обратить внимание на период никонианских

справ, не только коснувшихся внешних обрядовых форм ритуала, но и утвердивших изменения в служебных церковных книгах с последующим расколом церковной жизни русского народа. Новая эпоха Петра Великого в коренном переломе политического и культурного мышления с необходимостью должна была начаться и с новой буквы, устанавливающей заглавное предложение в тексте новой русской истории.

Петр I совершил в 1708 г. реформу русского алфавита для необходимых средств светской и деловой печати путем графического упрощения букв алфавита и изменения системы азбуки, получившей название – гражданский шрифт. Данная реформа не обладала положением формальной институциональности в пространстве государственной жизни, не имелось официального царского указа о введении гражданского шрифта в культурную жизнь российского общества, в отличие, например, от перехода на новое летоисчисление в 1700 году от Рождества Христова (ПСЗРИ, 1830, с. 681). Культурный отсчет введения гражданского шрифта в пространство русской литературы обусловлен выходом первой печатной книги в формате данной литеры: «Геометрія славенскі семлемѣріе...» (Пекарский, 1862b, с. 179). Отчасти данная реформа была связана еще и с тем, что «резко возрос объем книжной продукции, расширился круг читателей. В этих условиях старый книжнославянский (церковнославянский) язык, слишком далекий от живой речи, не мог полностью удовлетворить новые потребности общения. На протяжении XVIII в. наблюдается синтез основных частей общенародного языка, легших в основу единого национального литературного языка» (Веселитский, 1974, с. 51). В данном случае Веселитский противоречит наблюдению Пекарского о реальности роста читательского спроса на новые книжные издания в Петровскую эпоху. Книгопечатание в эпоху Петра I не создало условий для развития массовых доступных по цене произведений, способных привлечь покупателей своим литературным содержанием.

Тем не менее светская книга приобретала атрибут внешней идейной выразительности дворянской жизни, поскольку обладать библиотекой – значит быть причастным к новому образу культуры Петровской эпохи, а обладать обширной библиотекой – утвердить себя в принадлежности к высокому государственному положению (например, А. Д. Меншиков имел библиотеку в 13 000 томов при условии полного отсутствия интереса к чтению (Луппов, 1973, с. 230)).

Далеки были от «живой речи» и тексты первых печатных изданий, обусловленных новой гражданской литерой, изменившей графему письменного знака в узусе светского содержания текста. Отсутствие новых стилистических средств выражения в области русской литературы сводило азбучную реформу на первом этапе исключительно к прагматическим целям, направленным на удобство изготовления литер для печатного станка. Гражданский шрифт не порождает кардинальных изменений в национальном языковом пространстве, он был связан с техническим упрощением графической формы и развитием нового эстетического отношения к тексту и его производству, в отличие от средневекового рукописного созидания религиозно-философского логоса.

Эстетика гражданского шрифта в пореформенном графическом начертании букв явилась первым этапом к жанровому переосмыслению пространства отечественной литературы, в которой, согласно В. М. Живову, «устройство нового наречия начинается с создания гражданского шрифта, причем *орфография оказывается здесь зеркалом культуры*. Противопоставление старой и новой орфографии устанавливает то семиотическое разграничение культурных сфер, которое кладется в основу функционального распределения традиционного (церковнославянского) и нового («простого») литературного языка» (Живов, 1996, с. 88) (курсив автора. – Н. К.). Новое «зеркало орфографии» в русской культуре закономерно приводит к последующей печати в 1717 г. правил поведения в обществе для молодых дворян «Юности честное зерцало», которые не только отразили заимствованные и переведенные образцы западноевропейской этики, но и стали одновременно пособием по изучению «древних и новых письмен», а также числа «церковного и арифметического», получивших графическое размещение на первых страницах книги.

В структуре издания этического руководства название «древний» по отношению к букве кириллической азбуки говорит о генезисе исторического подхода к графической форме письменного знака, удостоверяющего в национальном сознании факт произошедшего раздела интеллектуально-духовной сферы в культурной жизни народа.

Гражданский шрифт был дублирующим графическим «конкурентом» в развитии отечественной литературы и не исключал полностью церковнославянскую букву из культурной композиции эпохи. Письменная буква гражданского алфавита, введенная в текст литературы, стремилась к десакрализации церковнославянской семиотики, в которой, за исключением изменения состава азбуки и рисунка некоторых букв, получили устранения все надстрочные знаки, в том числе и титло, обозначающее сокращение сакральных слов. Проводилась политика развития новой эстетики в национальном сознании Петровской эпохи, в которой, согласно В. В. Виноградову «еллино-славянские стили еще продолжают воздействовать и на литературный язык начала XVIII в. <...> Но культурно-общественное значение греческого языка, знание которого признается вовсе необязательным и даже ненужным для интеллигента XVIII в., ослабевает. Напротив, в начале XVIII в., когда встает с особенной остротой вопрос о приближении церковнославянского языка к народному русскому языку и в связи с этим об «очищении» церковнославянского языка от архаических и посторонних примесей, грецизмы в составе церковнославянского языка объявляются излишними и чуждыми русскому языку» (Виноградов, 1938, с. 22).

Следовательно, в начале XVIII столетия единая литературно-эстетическая доминанта письменного текста распадалась по сущностному вопрошанию бытия на две области: духовную, выраженную церковнославянским языком, связанным узами с религиозным сюжетом христианского Православия, и политическую, утвержденную гражданским шрифтом и генерирующую новую модель культурного текста светской жизни.

Гражданский шрифт, предназначенный по большей части для приближения к системе литер западноевропейской печати, предлагал установить к письменному слову новое отношение, определенное направлением к эстетизации в народном сознании текстов заимствованной культуры: «Западноевропейские слова привлекали как мода. На них лежал особый стилистический отпечаток новшества. Они были средством отрыва от старых традиций церковнославянского языка и старозаветного бытового просторечия. Сама необычность фонетических соединений в заимствованных словах как бы намекала на возможность и необходимость новой структуры литературного языка, соответствующей облику реформирующегося государства» (Виноградов, 1938, с. 68).

Новое графическое изображение слова определило в эпохе Просвещения эстетику официальных публикаций, произведений научной, военной, технической, художественной и учебной литературы. Ценностное значение текста в русском Просвещении, его аксиология, складывалась из степени идейной значимости содержания произведения для новой культурной прагматики.

Тем не менее, несмотря на факт внутреннего проявления «антагонизма культур», выраженного противопоставлением отечественных традиций допетровского времени и политической значимости идей «европеизма», а также существенного влияния на национальное мышление реформ Петра I, положение духовного логоса в философско-интеллектуальном дискурсе первой половины XVIII в. все же преобладало: «Однако в семантике русского литературного языка очень долго, до второй половины XVIII в., сохранялись пережитки религиозно-культового, магического отношения к «священным» словам и следы богословско-схоластической интерпретации их. Эта черта отличает главным образом язык духовенства и выходцев из духовной среды» (Виноградов, 1938, с. 89).

Подобное знаковое положение «священных» слов в области философского мышления первой половины XVIII столетия определено двумя характерными чертами эпохи:

1. Развитие наук в дидактическом пространстве Императорской Академии в Петербурге происходило на латинском языке, значение которого прописывалось в учредительных положениях (Пекарский, 1870), но в большинстве случаев пространство научно-деловой коммуникации осуществлялось на иностранных языках, согласно родной речи представителей приглашенного на русскую службу профессорского состава: немецкий и французский языки (Пекарский, 1873, с. 15; Свердлов, 2011, с. 299). Впервые программа обучения философии на русском языке была проведена Н. Н. Поповским (учеником М. В. Ломоносова) в 1755 г. в стенах гимназии при Императорском Московском университете. Жалобы на русских студентов многих зарубежных профессоров, занимавших должности преподавателей на кафедрах Московского университета, – что оные не понимают иностранного языка, а они сами не ведают русского – были достаточно частым явлением, соответственно, члены Университетской конференции в 1758 г. добились того, чтобы лекции читались на латинском языке «который есть главная цель учреждения университета и основание всех наук» (Документы и материалы..., 1960, с. 134-135). Необходимо также указать, что факт мышления на русском языке в области рецепции новых философских взглядов расходился с возможностями русского категориально-понятийного аппарата, который складывался в соподчинении латинскому и немецкому языкам на протяжении всего XVIII столетия (в противоположность дидактической выразительности речи, произнесенной Н. Н. Поповским перед началом философских лекций в гимназии в августе 1755 года: «Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвастаться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было невозможно» (Поповский, 1755, с. 173)).

2. Несмотря на возникновение в период Петровских реформ цифирных школ, созданных для общей грамотности среди дворян, а также навигацких и штурманских школ, развивавших профессиональные инженерно-технические навыки, главными высшими образовательными институтами эпохи, вплоть до основания Петербургской академии наук в 1724 г. и впоследствии при императрице Елизавете Петровне Московского университета в 1755 г., были Славяно-Греко-Латинская академия (1687) и Киево-Могилянская академия (1632), научно-дидактические основы которых держались на христианско-философских традициях.

Необходимо указать, что представление об объекте философских рассуждений в Петровскую эпоху еще не расходилось с главными положениями церкви о человеческой душе, обладавшей наибольшим содержательным раскрытием в произведениях религиозной литературы на основании церковнославянской буквы.

Гражданская литература, введенная Петром I в культурный обиход, позволила сформировать приватный эстетический взгляд на письменный текст, получивший право свободного суждения о его литературной выразительности на основании собственного художественного вкуса читателя. Отношение к письменному слову стало преломляться через семиотику нового культурного времени, полагавшего психологическое раскрепощение национального лингвистического сознания от выражения средневековой формульности литературы. Исторически заданный мотив духовного прочтения слова в тексте сменялся в Петровское время эстетикой культурного досуга художественно-развлекательного чтения книги (еще все же более рукописного формата, чем печатного (Благой, 1945, с. 25)). Появляются различные авантюрные повести о похождениях петровских современников за пределами русской земли: «История о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии флоренской земли», «История об Александре, российском дворянине», «Повесть о купце Иоанне» – все три повести имеют общий характер литературно-исторической атрибуции первой трети XVIII столетия без указания имени автора, согласно общим принципам «фольклора» в художественной литературе Петровской эпохи. А. М. Панченко в исследовании сущности литературы Петровского времени определяет: «Однако литературе позволялось выполнять не только практические функции, которые Петр считал важнейшими. Она должна была также развлекать; для развлечения каждый мог писать невозбранно –

в качестве частного человека, вне и помимо служебных обязанностей. Писатель стал частным человеком, частный человек стал писателем. В этом <...> и заключается смысл того переворота в литературном быте, который случился при Петре. Это была тоже своего рода реформа, и реформа с далеко идущими последствиями» (Панченко, 1974, с. 125).

Семиотика церковнославянской буквы сдерживала эстетическое сознание авторов допетровской эпохи в проявлении творческой свободы на страницах литературного произведения, текст подчинялся установленным принципам его культурного формирования на основании существующих книжных традиций, обусловленных религиозным прочтением. Новый шрифт позволил совершить литературную эмансипацию в пространстве культурного «двуязычия» (Панченко, 2000, с. 361), получившего второе эстетическое измерение через характер частного (личного) взгляда на выразительность формы художественного произведения.

Несовместимость старой азбуки с положением нового культурно-политического существования государства при Петре I демонстрируется на примере первой публичной газеты в России – «Ведомости», – содержание которой стремилось придать политическим событиям новый эстетический образ национального величия в сознании народа. «Ведомости» на своих страницах отражали хронометрию реформаторских идей Петра Великого, и не случайно само издание в установленном формате после смерти первого российского императора просуществовало совсем недолго (в 1727 г. газета прекратила выпуск своих номеров).

Первый выпуск газеты произошел 15 декабря 1702 г. и на протяжении своего существования «Ведомости» служили демонстративной формой государственных успехов в динамически развивающейся системе политических отношений. Идея, вложенная Петром I в «Ведомости», изменяет интеллектуальную ткань культуры, все сюжеты общественной жизни начинают подчиняться целостности политического устройства. Национальное сознание находит свое отражение в систематическом изложении программируемых элементов внешнего успеха сообразно целям новой русской просветительской парадигмы.

В номере «Ведомостей» от 2 января 1703 г. на первой странице можно прочесть: «Повелѣиѣмъ Сѣмъ величества московскіе школы оумножаются, и мѣ чловѣкъ слоушаютъ філософію, и оуже діалектїкоу вкончили. В математической штурманской школѣ болше т члѣвъкъ оучатся, и добръ наукоу прїемлютъ» (Ведомость, 1958а, с. 94). / Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили. В математической штурманской школе больше 300 человек обучаются и хорошо науку приемлют. Церковнославянские буквы в данном выпуске газеты еще удерживают своей формой границы православного понимания философии в известных образах иконописи Андрея Рублева (например, «Спас в силах» (1408), «Григорий Богослов» (1408), «Иоанн Богослов» (1408)) и словах Максима Грека (например, «Слово о промысле Божьем...» (Сочинения преподобного Максима..., 1859, с. 377), «Слово о исхождении Св. Духа» (Сочинения преподобного Максима..., 1859, с. 323)), а указанная в тексте фрагмента «диалектика» представляется пространством церковных диспутов о Священном Писании, а также реформе Патриарха Никона и раскольниковстве протопопа Аввакума, но действительность времени разрывает линию церковнославянской письменности словом о математической штурманской школе, определяя диссонанс русской традиционной письменной культуры и просветительских изменений в обществе. Все знаки (единицы) церковнославянского алфавита связаны между собой и образуют единую систему, предназначенную для сохранения и созидания религиозной культуры. Тексты, образуемые данным шрифтом, скрепляли сознание мыслящих единой христианской верой Восточной церкви. Церковнославянские цифры, отраженные в данном фрагменте (мѣ – 45, т – 300), еще сакральны своей буквенной графемой, определенной символикой Православия в концептуальном исчислении Москвы как «Третьего Рима», получившего координаты христианского оплота в религиозной эсхатологии.

В 1710 г. гражданский шрифт вместе с арабской цифрой впервые появляется на страницах «Ведомостей», отражая культурный характер политического времени, в котором тоpos российской столичности начинает обретать новый град – Санкт-Петербург, определенный характерной выразительностью форм и значений западноевропейской эстетики.

В газете «Ведомости» от 17 февраля 1710 г. на первой странице гражданским шрифтом написано: «Писаль къ царскому величеству генераль маеоръ Ностицовъ, что онъ крѣпость оную Элбингъ штурмомъ взялъ февралѣ въ 2 день. А что въ тои крѣпости взято артилерїи аммуницїи и людеи, и тому послѣдуетъ реестръ. РЕЕСТРЪ. Артилерїи. Желѣзныхъ пушекъ 183, Мортировъ желѣзныхъ 25, Ручныхъ мѣдныхъ 157, Пороху 3279 центнеровъ, Свинцу 163, Желѣза 71, пулекъ 970000» (Ведомость, 1958b, с. 116). Церковнославянская буква уступает гражданскому шрифту в отражении на страницах газеты списка военных трофеев Северной войны, обусловленном движением национальных интересов за пределами сакральных значений исторического текста русской культуры, но с утверждением единства исторического подвига русского воинства. Арабская цифра, ставшая единой «мерой» исчисления сущего в европейском пространстве культуры, прекрасно справляется с количественным выражением российских государственных успехов, которые полагают своим утверждением развитие нового внешнеполитического дискурса между Востоком и Западом.

Заключение

Таким образом, в начале XVIII столетия совершается теоретическое развитие жанрового текста отечественной литературы, получившей на этапе Петровских культурных реформ два варианта сюжетного развития: принадлежность к церковному тексту, обусловленному традициями духовно-религиозной жизни русского

народа в эстетической выразительности церковнославянской графемы, и принадлежность к тексту светской культуры, определенной гражданским шрифтом в сфере политического мышления Петра Великого.

Жанровая структура в новой отечественной литературе на базе введения гражданского шрифта складывалась постепенно на основании теоретически-экспериментального поиска выразительно-изобразительных средств в построении художественной и научно-публицистической формы произведения. Тем не менее эстетическая выразительность новых письменных текстов утверждалась измененной азбучной графемой, получившей свое культурное распространение и визуальную атрибуцию светского произведения в сознании народа. Гражданский шрифт становился идейным прологом к формированию новых представлений о красоте русского слова в сюжетных границах отечественной литературы, сочетающей исторический замысел русской религиозно-духовной культуры с выразительностью нового национально-политического образа в общем пространстве западноевропейской цивилизации.

Возможные перспективы дальнейшего исследования на основании сформулированной идеи данной статьи определены областью русской литературы XVIII столетия, в историческом развитии которой длительный период совершался как теоретический поиск новых художественно-языковых средств выражения, так и прагматический подбор необходимых слов для перевода зарубежных произведений в эстетических пределах влияния гражданского шрифта на культурное сознание.

Материалы исследования | Research materials

1. Барсов А. А. Российская грамматика / ред. Б. А. Успенского, текст и комм. М. П. Тоболовой. М.: МГУ, 1981.
2. Благоев Д. Д. История русской литературы XVIII века. М.: Учпедгиз, 1945.
3. Ведомость. Москва: [Печатный двор], 2 янв. 1703. [2] л.; 8° // Быкова Т. А. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
4. Ведомость. № 5. Москва: [Печатный двор], 17 февр. 1710. [4] с.; 8° // Быкова Т. А. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.
5. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: в 3 т. / под общ. ред. М. Н. Тихомирова. М.: МГУ, 1960. Т. 1. 1756-1764.
6. Кантемир А. Д. Сочинения, письма, избранные переводы / под ред. П. А. Ефремова, прим. В. Я. Стоюнина: в 2 т. СПб.: Издание Ивана Ильича Глазунова, 1867. Т. 1.
7. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. / под ред. В. В. Виноградова, С. Г. Бархударова, Г. П. Блока. М. – Л.: АН СССР, 1952. Т. 7. Труды по филологии 1739-1758 гг.
8. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. / под ред. В. В. Виноградова, А. И. Андреева, Г. П. Блока. М. – Л.: АН СССР, 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е: в 45 т. СПб., 1830. Т. 3.
10. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. СПб.: АН, 1847. Т. 1.
11. Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии: в 3 ч. Казань: Типография губернского правления, 1859. Ч. 1.
12. Сумароков А. П. О русском языке // Сумароков А. П. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Университетская типография Н. Новикова, 1787. Т. 1.
13. Тредиаковский В. К. Речь, которую в Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук к членам бывшего Российского собрания во время первого их заседания Марта 14 дня, 1735 года о чистоте Российского Языка говорил В. Т. // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами так и прозою: в 2 т. СПб.: Императорская Академия Наук, 1752. Т. 2.
14. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002.
15. Athanasii Archiepiscopi Alexandrini. Quaestiones ad Antiochum // Patrologia Graeca. P., 1857.
16. Gregorius Nyssenus. De pauperibus amandis (ΠΕΡΙ ΦΙΛΟΠΤΩΧΙΑΣ ΚΑΙ ΕΥΠΟΙΑΣ) // Patrologia Graeca. P., 1863.

Источники | References

1. Веселитский В. В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М.: Наука, 1974.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XVIII вв. М.: Учпедгиз, 1938.
3. Живов В. М. История понятий, история культуры, история общества // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009.
4. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996.
5. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
6. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2011. Кн. 4. Мудрость слова.
7. Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. Челябинск: Социум, 2003.
8. Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л.: Наука, 1973.
9. Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // Труды отдела Древнерусской литературы. XXXI «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. Л.: Наука, 1976.
10. Мурьянов М. Ф. Время (Понятие и слово) // Вопросы языкознания. 1978. № 2.

11. Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995.
12. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000.
13. Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974.
14. Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге: в 2 т. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1870. Т. 1.
15. Пекарский П. П. История Императорской академии наук в Петербурге: в 2 т. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1873. Т. 2.
16. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1862a. Т. 1.
17. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом: в 2 т. СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1862b. Т. 2.
18. Перхавко В. Б. История русского купечества. М.: Вече, 2008.
19. Помпеев Ю. А. История и философия отечественного предпринимательства. СПб.: Абрис, 2003.
20. Поповский Н. Н. Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1755. Т. 2.
21. Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011.
22. Трубецкой Н. С. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Трубецкой Н. С. Избранное. М., 2010.

Информация об авторах | Author information

Никулушкин Константин Владимирович¹

¹ Институт философии и мировой культуры, г. Санкт-Петербург

Konstantin Vladimirovich Nikulushkin¹

¹ The Institute of Philosophy and World Culture, St. Petersburg

¹ *const.nikulushckin@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.05.2025; опубликовано online (published online): 23.07.2025.

Ключевые слова (keywords): гражданский шрифт; рецепция культуры; сакральная деэстетизация; семиотика слова; эстетика шрифта; civil script; cultural reception; sacred de-aestheticization; semiotics of the word; aesthetics of script.